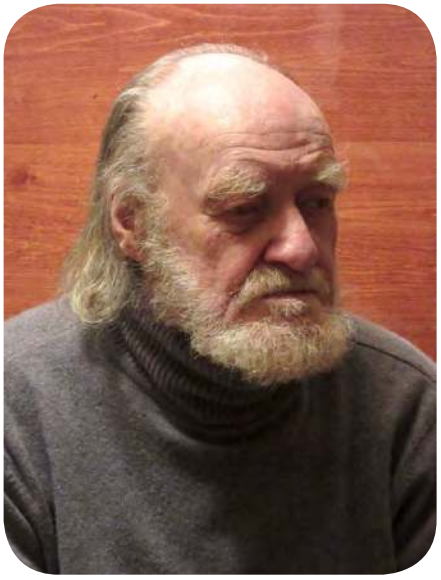

Лев Пряхин

г. Нижний Новгород

Тот защитник Отечества,
чья душа в человечестве.

Кто кого

Земские люди живут везде:
И в Патагонии, и в Австралии.
Земские люди добры в беде:
И в потогонии, и в авралии.
Надо ворочать, чтоб стать им сродни,
Правдой простой, корневой.
Братскую справность почуют они
Даже во мгле пулевой.

Читая Свифта

В этой речке утром рано
Утонули два барана.
С. Михалков

«Что в яйцах, по-вашему, главное?
Два разных по форме конца!
Вперёд, Лилипутия славная!
Дай мужество, небо, бойцам!
Будь принцип единственно действенным:
Бить яйца с тупого конца.
Смерть остроконечникам дерзостным.
Сметём их с земного лица!»

Ни тени сомненья, ни робости:
Нетленны заветы отцов.
…Земля – это горы и пропасти
И множество хрупких концов.

Почему?

Звенят и клинки, и проклятья.
Всё ясно, всё видно до зги…
Задумайтесь, люди, мы – братья
Все: сёстры, друзья и враги.
Почто же мы неумолимы?
Мертвы и дела, и слова.
Но раны не все исцелимы,
А всякая шпага жива.

И это тоже движение

Поезда, поезда, поезда
По бесчисленным лентам дорог…
Всё везут, что нагрузят года:
Разум, глупость, начало, итог.
Ну а вдруг – колея в колею?!
Клином стрéлки, стремителен путь.
Дёрнуть стоит (подрежут!) шлею,
Чтобы разум людей захлестнуть?!
Эй, смотритель, рвани-ка стоп-кран,
Чтоб застыл гон, как в стужу вода!
Здравый смысл человечеству дан,
Чтоб не сталкивались поезда.
Разминулись… Наш поезд – благой?
Ну а как у него тормоза?!
Ведь навстречу несётся другой…
Проморгали? Откройте глаза.
(Или призакройте. Деловито.
Если они были приоткрыты.)

Что в наших именах?

Есть имена прекраснее легенды,
Своих эпох знаменье, пульс и мысль.
Носители их творчеством нетленным
Путь общества прямили вглубь и ввысь.
За ними смысл иной, ушедшей, жизни:
Огонь, одежда, порох, колесо.
И нет беды в том, что сквозь катаклизмы
Не все их в наши будни принесло.

И всё-таки они повсюду с нами.
Не идолами в камне вознеслись:
Фантазиями светлыми и снами
В сознании как горы поднялись.
…Но видятся иных имён приметы,
Владельцам их на миллионы счёт.
Они, обжив все уголки планеты,
Не пожинали славу и почёт.
Рождались и не рано, и не поздно,
Чтоб сделать то, что нужно позарез.
Они не гении, они не одиозны.
Вневременны, как корабельный лес.
Они, как солнце, как вода, привычны.
Различны и типичны, как века.
Они естественны и органичны:
Земли живой трепещущая ткань.
В них радость бытия,
в них боль и мудрость смерти.
По ним всегда равнялся жизни строй.
Без них,
незнамых,
здесь, на белом свете,
Господствовал бы мертвенный покой.

Изощрись

Хорошо умереть молодым.
Кто-то

Бронированный циник –
безнравственный в грим,
Приспособленный злом наслаждаться….
Дезертирство сейчас умереть молодым.
Лучше было б совсем не рождаться.

Эвореволюции

Когда государство достойно участия,
Идёт эволюция.
Когда оно свыклось с судьбою злосчастия,
Гремит революция.

Дружбы ломоть

Чертовщина не в счёт: самолёт пролетел,
Распахал небосвод реактивнейшим плугом.
И ушёл на закат. И пропал. Охладел,
Видно, к делу. А может быть, пашет по кругу.
Пашет… Надо спешить…
Прессы пресс… Под шумок…
И бежит по земле борозда пулевая,
Чтоб лихой многоборец потешиться мог,
Землю зёрнами смертной вражды засевая.
Это явь. Зависть в ней –
в «честь» раздора оплот, –
Искорёжила предков святые заветы.
Мир спасут дух надежды и верности плоть,
Если выйти полоть всем,
всем людям планеты.

Запутались вдрызг

В небе ясном опять самолёт наследил.
Но… не станьте занудами: очень красиво!
Подвенечное платье… и шлейф позади.
Впрочем, место фантазиям к месту, на диво.
…Только что в небе ясном погиб кислород.
Да… Не будьте беспечными: бейте тревогу.
Если так всё пойдёт, человеческий род
Красотой этой в гибель проложит дорогу.
Это так… Ну а как молодым обойтись
Без полёта, а он весь, с макушкой,
в моторе,
Без обыденных в зрелых летах биссектрис:
Тех, что режут и воздух, и недра, и море.
Не в пещеры же лезть и лелеять костры
И с рогатиной смело ходить на медведя.
В те суровые дни нашим предкам простым
Довелось свою сложность благую отведать.
Наша нам по плечу ли? Ответ на вопрос
Этот в нынешних наших
вертлявых прогрессах.
С нас, разбросанных в помыслах,
может ли спрос
Быть за наш грызовой примитив
в интересах?
Суета, маята и в итоге – тщета
Действий наших ущербных,
а мнится – во имя!
Мы, с крестом на груди,
но в душе – без креста,
Со своими, в обнимку, победами злыми.
Наших предков-язычников… (нет и следа!):
Роковые предчувствия не облачали.
Без креста на груди, но на совесть в трудах
Они жёсткую землю для нас умягчали.

Они боготворили её. Насмерть в них
Принадлежность жила к её многовековью.
И любили незнамых потомков своих
Роевой вызывной безоглядной любовью.
Безответной… Потомкам претит Домострой.
Подавай нам свободу, эстраду и право.
Сердце – двигатель. Разум навылет босой.
Нам весёлая пьяная бездна по нраву.
…Но опять и опять самолёт пролетел:
Не сумел, видно, выбрать прямую дорогу.
Вроде нас… В чём предел наш?
И что́ наш придел?
Как суметь без разброса покаяться Богу?

Разберись же, что к чему…

Правда то, что хочет Бог.
Святые отцы

Немыслимы падения без взлётов.
Сомнительны и взлёты без падения.
Обычная опасная работа
Даёт плоды свои за счёт сведе́ния
В единое пространство результатами
Падений – их последствий,
в сумме дружных,
В компанию со взлётами, чреватыми
Падениями в срывах простодушных.
Что можно при падениях ломать?
В себе? В других? То, что необходимо:
Препятствия умению летать
В среде, куда влечёт необоримо,
Куда ведёт тебя твой вольный крест.
Не ошибись. Не живчик легковесный:
Тот поднимает юность до небес
Икаровой дорогою прелестной.
Всё кончится летательным своротом.
Летальным. Без ветрил и без руля,
С одним падением и финишным расчётом
С тем, что в тебе надеялась Земля
Найти опоры крепость: на защиту,
На знания, на мужество, на опыт,
Сдвигающих все злобы за орбиту,
С которой не видны Земли окопы.
Терпи, вцепившись насмерть в духа почву.
Нет в бренностях людских сил изобилия.
Вцепись как клещ, держись и днём, и ночью,
Какие бы соблазны ни бомбили!
Зацепят душу, и – толпой – свободы:
«Отдай нам над своею сутью власть!»
Не трубы медные… Теперь огни и воды –
Твои враги. В них снасть, и страсть, и сласть.
Они взнесут и сбросят в пропасть сброда.
Но впасть – не пасть в тьму льстивого пошиба.
Учись учить себя! Пока ты молод.
Пока не мастер роковых ошибок.
Ну а издатель их – духовный голод,
Который распознать ты дюже зелен
В расхлябанности прогрессивных гонок:
Уж больно ты зачухан духом денег.
Противоядие одно – соборный дух!
Все мы, не врозь, а вместе – пашни дети.
И тот, кто в Космосе ведёт страду,
И кто делянку пашет на Планете.
И взлёты будут. Но не тела – духа.
А тела – если дух проложит путь.
Упасть – не пасть. Не здесь с косой старуха.
Стремись не погибать. Про отдых позабудь.
Ему взамен – одно изнеможение.
Оно везёт запросов новый воз.
Тогда ликует вечное движение,
Что кормит душу, сердце, чувства, мозг.
Ничто для них не может быть полезней,
Чем бред уставших до мольбы телес:
Идёт работа в тишине железной,
Чтоб человек всей сущностью воскрес.
Пусть есть полёт. Пусть нет его вовек.
Есть жизнь и смерть – их не разбить на части.
Привязан Высшей Силой человек
К Земле безгрешной. Для его же счастья.
А взлёты будут. Ради тех падений,
Которые укроют от падения,
Венчающего сонм туманных бдений
Последней, безнадёжною, ступенью.
Грядёт полёт. Не породнись с тревогой.
Тебя твой крест направит, поведёт
И ввысь, и вглубь,
и вширь благой дорогой.
Лишь в этом твой спасительный полёт.
Взлетай, не отрываясь от Земли
Уверенностью от настроя земского.
Как наши пращуры взлетать могли
Времён Святого Александра Невского.
Не может быть полётов без падений
Как стимулов побед несокрушимых.
Соборники всё могут. Каждый – гений.
А почва гениальности – община.

Нет взлётов у антихристов. Одни
Падения. Все. Вплоть до эмпирея.
Казалось бы, всё, что хотят они –
Берут. Но от уныния звереют.
Летать ли… ползать ли… Ищи себе отраду
Там, где источники людских тревог.
И защищай не человека – правду.
А правда – это то, что хочет Бог.

Украины…

Спасение с Юго-Востока.
От Господа Бога.
Нет рока и срока.
Победа и перемога!
Святые!
Вам Крест и спасение
Народа. Вы – каждый – народ!
Вы – гибель унылого тления.
Вы – тщетность бесовских забот.
Терпите. С нетленной надеждой:
Естественность – ваша страда.
Бессмертье – путь левобережный.
Путь вражий – слепой. В никуда.
Врага бейте духом и верой,
И всем, что дают вам они.
Восстаньте единства примером.
Прощение – битве сродни.

Свистать всех!

Курс доллара, вкус евро –
Лукавые маневры,
Чтоб запугать Россию
Прилавками сякими.
А следом – в гуманизме
Трансгенной дешевизны –
Прославиться отменной
Мутацией нетленной.
Бесспорно, поколения,
Вкусившие «нетления»,
Прогресс сей не осудят,
Поскольку их не будет.
А будет тем раздолье,
Чья суть – под грифом «Долли».
Спасенье – Автаркия!
Той части человечества,
Чья суть не искалечена
Соблазнами мирскими.
Ей не в пример погони
За миражами грантов
Во имя жизни козней
Увёртливых мутантов.
Здесь царствуют бумажки:
«Святые» духофобы –
Холопство душ продажных,
Где все мозги – трущобы.
Очнись, скорей, Россия
И размахнись всей мощью,
Чтоб стала Автаркия
Потребностью всеобщей.
Победа – знак бескровный
Слияния этнической
Терпимости с духовной
В укор экономической.

Опять о любви…

Вéликороссы,
Укрáинцы
и
Белорусы!
Мы все, без изъятия, русские.
Едины в веках наши предки искусные.
В ряду их шумеры, пеласги, этруски.
Культура великая создана ими,
И в этом могучая закономерность.
А суть наших предков корнями своими
Уходит в единством скреплённую древность
Расцветом великих культур
Приднепровских,
Днестровских, Придонских. Не в розницу.
В целом.
Единство в различиях! Дерзких. И постных.
Но в главном сплошное: и духом, и делом.
Во всём – всё для всех!
От соседей до прочих!
Что выудили из прижимистой вечности,
Они раздавали: от аза до точки,
С присущей им бесповоротной
беспечностью.
Так и богатели: надеждой на дружбу.
Взаимность… И Север, и Юг, и Восток
На них не вострили агрессий натужных.
Случалось, так скажем, любое. Но прок
Был добр к простодушным
в веках трудолюбам:

Раздоры войной полновесной крушить
В них не возбуждал…
Нет летальных разрубов
Там, где понимания дух нерушим.
Везде так? Увы…
Есть – в ком дух кособокий…
Кто, мир разделив на «себя» и «других»,
Не помнит истории жёсткой уроки:
Кто, как, почему его втискивал в них.
И он, раз за разом, гордыней увитый,
В безумии искреннем пёр на восславов*.
Но не было случая, чтобы небитым
Спешил он назад: в свои в доски анклавы,
Зализывать раны…
… Пора пожалеть
Таких: не умащивать нашими трениями.
А то они могут опять ошалеть.
Вспомянем: мир крепок
при русском сплочении.

Февральские мотивы

Холода качаются
От морозов к оттепели.
Музыка венчается
С соловьями. Вот те пели!
Зазвучит – с листа, бывает, –
Радость вешней Рось-рекой.
Лёд в душе истаивает
От запевки простенькой.

Полтаве

Я не затем приду к тебе, Полтава,
Чтоб, как турист, себя тебе открыть
И на седых холмах петровской славы
Веков дыханье лично уловить.
И не затем (хоть есть такое средство),
Чтоб завладеть, как модный гастролёр,
Твоей любовью, искренней, как детство,
И дивной, как в ночной степи костёр.
Нет, не затем…
Не разума велением,
А сердцем
ощутить я буду рад
Твоих садов весеннее кипение,
Твоих плодов осенний аромат.
Плоды земли…
Ты к ним всегда приложишь
Плоды твоих сомнений, дум, тревог.
Я стал иным. Добрей к другим и строже
К себе, открывши здесь судьбу моих дорог.
Я ощутил себя здесь гражданином,
Ответственность прочувствовав вполне.
Считай меня пусть даже блудным сыном,
Но чуткость снова прояви ко мне.
Скажи слова, которыми при встрече
Той, давней нашей, обласкала ты.
Во всём ты выше мелочностью меченой,
Себялюбивой нервной суеты.
Вот почему тебя не изобидеть
Фальшивой нотой, возгласом пустым.
Я так хочу опять тебя увидеть,
Как яблонь цвет зимой, в лихую стынь.

P. S.

Дабы «оправдать» содержание стихотворения «Полтаве», а заодно и весь цикл стихотворений, имеющих, как мне представляется, единый дух, постараюсь осуществить короткий экскурс в историю русско-шведской войны начала XVIII столетия. Причём экскурс, до мелочей придерживающийся магистралей мэтров исторической науки. Чтобы не было вопросов.

Итак, однажды король Швеции Карл XII решился на завоевание России и двинул войска в глубь её. Планировал идти на Москву. И пошёл было. Но вынужден был остановиться. И решил сначала обобрать для гарантии успеха богатую Украину и обеспечить себе там союзников. И тут…

Гарнизоны Чернигова, Нежина, Переяславля, Полтавы, Миргорода, Веприка дали присягу биться до последней возможности. Это были не пустые клятвы. Самоотверженность не только гарнизонов, но и в целом жителей этих (и не только этих) городов и весей была всеобъемлющей. Вскоре маленький городок Веприк (ныне село в Полтавской области) доказал это.

* Восславы – восточные славяне.

22 декабря (по старому стилю) 1708 года Карл подвёл к Веприку свои войсковые части, но гарнизон закрыл ворота. Через неделю шведы подтянули резервы.

Веприк стоял на пути Карла в направлении его на Москву: «наполеоновские», как и «гитлеровские», цели не были чужды и Карлу XII.

Всего Карл задействовал 3–3,5 тысяч солдат и сердюков Мазепы при 20 орудиях. Веприк защищал гарнизон в 1100 человек и 400 казаков, преданных центральной власти. Мазепа, бывший любимец Петра I, был гетманом Украины и предателем по совместительству (покопавшись немного в истории, можно найти кого-то очень подобного). Защитникам самоотверженно помогали жители Веприка. Регулярные русские части во главе с Петром I, первым для всего российского народа государем, ставшим после Полтавской битвы императором, на помощь Веприку не пришли. 7 января 1709 года Карлу удалось взять Веприк. Но подвиг Веприка, существенно задержавшего продвижение шведов, невозможно переоценить.

Русское всенародное сопротивление на всём пути следования шведских войск через регионы России подрывало их силы. Именно оно заставило Карла повернуть на юго-восток, чтобы укрепить их за счёт богатой во всех отношениях Украины. Решение это – уже исключительно «гитлеровского» характера (вспомним, куда двинул Гитлер свои силы после разгрома под Москвой в 1941 году).

А окончательно решение короля «утвердил» Веприк. Именно во время «битвы за Веприк» среди шведов пошли разговоры о необходимости «уходить за Днепр»: героизм маленького городка отрезвил многих соратников Карла. Да и сам король уже не возвращался к прежним планам похода на Москву. В итоге Карл XII сошёл с магистрального пути окончательно и повернул на Полтаву.

Не исключено, что, кроме Веприка, причиной этого были доводы сечевиков (старшин Запорожской Сечи, недовольных русской властью на Украине) и лично Мазепы, которые горячо убежали короля, что, расчистив через Полтаву коридор к Сечи, он получит подкрепление. Мазепинцы понимали, что, если шведские генералы уведут начавшую деморализовываться армию в Польшу, их дело надо будет считать похороненным.

…Началась трёхмесячная героическая оборона Полтавы.

Этому «моменту» войны «подавляющее» большинство историков не уделяет существенного внимания. А ведь именно героическая оборона Полтавы её гарнизоном и её жителями, создала те условия, при которых «пугливый» Пётр никак не мог проиграть финального сражения. Пётр продолжал наращивать мощь русского войска, но он практически не помогал защитникам Полтавы, которые, обладая незначительными силами (но с несокрушимым духом), сумели выстоять в неравной борьбе с несоизмеримо более сильными шведскими войсками. По оценкам историков, численность полтавского гарнизона составляла 4200 человек. Армия Карла, обложившая со всех сторон Полтаву, имела в своём составе 35 тысяс человек. Понятно, что она вынуждена была «зорко следить» за армией Петра, которая кропотливо и эффективно создавала для себя защитные сооружения. Так что не все силы шведов были направлены на штурм Полтавы, но основная её часть предпринимала серьёзные попытки взять город.

Сама по себе Полтава как крепость отнюдь не была неприступной. Очевидно, в предыдущие времена не было необходимости строить здесь основательные защитные сооружения, поскольку Полтава не находилась на магистральных путях агрессоров того времени. Осматривавшие её тогда шведские специалисты отмечали слабые стороны сооружений, а сам Карл однозначно охарактеризовал её: «Крепость ничтожная». Доверять оценке Карла в полной мере не следует: он видел тогда мир в «радужных» для него тонах. И всё же эти тона не переходили грань разумного: иначе невозможны были бы его блистательные победы «до того».

Так что у командующего гарнизоном полковника Келина была масса забот: приходилось на скорую руку «латать» значительное количество «дыр» в крепостных сооружениях, чтобы выстоять против шведов. С чем он, судя по результатам, вполне справился.

Келин Алексей Степанович происходил из потомственной военной семьи: в «стрелецкие» времена его отец служил майором стрелецких (отнюдь не порабощённых новоявленной с Запада муштрой) войск. Сам А. С. прошёл замечательную выучку военной жизнью в Северной войне, участвуя в целом ряде сражений в войсках Б. П. Шереметева.

Вследствие очевидной незначительности гарнизона, Келин вооружил 2600 обывателей Полтавы, которые совместно с гарнизоном, как говорится, «не подкачали» благодаря тому, что в самый незначительный срок прошли серьёзную подготовку. Помощь защитникам оказывали и многочисленные «простые» полтавчане, которые тоже использовались Келиным продуманно и рационально. Так что, поставив русского (что при засилье иностранцев было редкостью) военного специалиста во главе полтавского гарнизона, царь (ещё) Пётр не ошибся.

А король Карл не медлил с решительными действиями.

Первый штурм Полтавы был отбит 29 апреля 1709 года. 30 апреля шведы начали вести осадные траншеи. Подтаскивать артиллерию и снаряжение для осады по всей форме Карл не желал, надеясь, что город быстро сдастся, подобно польским крепостям, не оказавшим ему существенного сопротивления. 9 мая полтавчане изъяли из-под вала четыре центнера пороха, которым шведы хотели взорвать стены крепости. Кстати сказать, «изымали» порох они не один раз. И вообще были постоянно начеку.

Но положение осаждённых ухудшалось с каждым часом. Уже в мае умирали от голода горожане и крестьяне окрестных сёл, сбежавшиеся под защиту городских валов. 1195 человек выбыло из строя из-за болезней и ран. Пушки заправляли вместо ядер камнями и сеченым железом, а порох получали не только из шведских подкопов, но и в полых бомбах, запускаемых из тяжёлых орудий с русских батарей из-за реки Ворсклы. Но его не хватало. Тем не менее храбрый гарнизон, которому (повторюсь, ибо этот «повтор» существенно укрепляет содержание событий) всячески помогали жители Полтавы, не только «держал на цепи» армию короля и мазепинцев, но и делал частые вылазки, поджигая деревянные постройки в шведских траншеях «напалмом» XVIII века – горшками со смолой. Чем существенно способствовал, отвлекая шведов от русских войск, работам по систематическому возведению защитных сооружений русской армией: Пётр очень опасался шведского штурма.

Отметим, что и во время самой Полтавской битвы полтавчане насколько могли помогали войскам. В частности, в самый критический момент первого наступления шведов на русские войска – в начале Полтавской битвы – они сделали результативную вылазку на шведские шанцы!

А в целом вот что получилось…

Под Полтавой Карлу мерещилось: союзная украинская нация, доблестное запорожское казачество, кстати, с запасом пороха (какового у шведов оставалось к тому времени немного), и верный союзник Мазепа! Но когда Карл начал Полтавскую битву, не оказалось ни союзной нации, ни доблестного (в интересах Карла) казачества, ни пороха. Остался один Мазепа. И во многом (разумеется, не только, но всё же) победе в той войне способствовал дух и самоотверженность «простого» украинского народа, особенно ярко проявившийся тогда в полтавских жителях!

А ведь дух долговечен. Даже вековечен. И характер самоотверженности соответствует состоянию духа.

…Но при чём здесь защита Отечества в России XXI века?! Если здесь речь идёт о Полтаве средневековой и – стихотворение – о достоинствах современной Полтавы, пусть и совершенно обоснованных. Ведь Полтава – в Украине. А мы посвящаем свои усилия проблемам защиты нашего Отечества.

Да всё просто. Наше Отечество – это та совокупность мест обитания со всеми ценностями, на которых жизнедействует наш народ – русский, точнее, восточнославянский этнос. А народ этот состоит и будет состоять до последних времён из великороссов, украинцев и белорусов, чему мы посвящаем отдельное стихотворение. И если отношения белорусов с украинцами и русскими «по отдельности» складываются по-родственному, то между украинцами и великороссами пульсирует катастрофический период. Так что мы должны понять, что́ нам (всем!) надо сделать, чтобы великие традиции естественных отношений этих народов, как части единого этноса, помогли нам найти выход из враждебного тупика. Да, исторические прецеденты обнадёживают: мы узнаём из истории русско-шведской войны, что совсем недавно по историческим меркам «простое» население Украины, проживавшее в приднепровских регионах, и великороссы действовали как братья (были братьями!) в той войне. А мой личный опыт проживания и работы в Полтаве в течение девяти лет, с 1961-го по 1970 год (для эмоциональной, нередко самой правильной, оценки времени вполне достаточно) показывает мне (и не только мне), что дух отношений между нашими народами не изменился со времён Карла и Петра ни на йоту! Что же касается помех этим отношениям, то их нетрудно обнаружить, они отнюдь не только что зародились. На что указывает, в частности, русско-шведская война, самый краткий обзор которой мы привели выше. Подробности легко можно найти в исторической литературе. Так сказать, «ищите и обрящете».

Между тремя «ипостасями» (Запад, Центр, Восток) народа нашего, «парламентёрами», в данном случае может выступать население Приднепровья. В том числе и жители Полтавского региона. По историческим меркам и ощущениям «нашего» времени, это население содержит в себе, в ценной мере свойства и Запада, и Востока восточнославянского этноса. А потому способно понять и тех и других. Нужны вожди, которые бы сумели, используя «потомков и защитников Полтавы от шведов и потомков и защитников Украины от гитлеровцев», объединить подобру-поздорову и в любви к ближним между собой «троицу»: Запад, Центр и Восток Украины. А там, как говорится, посмотрим.

И увидим, что ни в коем случае не следует рассматривать нашу «троицу» как нечто раздельное. Наоборот: восточное славянство – это единый организм (мы здесь неправомерно не напомнили, что и сербский народ является неотъемлемой частью восточнославянского этноса; впрочем, у нас более узкая задача). Посему никаких границ между нашими «ипостасями» нет, ибо их не может быть. Органичность совокупности наших народов подчёркивается и тем фактом, что во времена раздоров между варяжскими (по происхождению) князьями, раздорами, вызванными удельной системой, народы восточнославянского этноса, особенно поляне, проживавшие в районе Киева, за обладание которым как за абсолютную власть над Русью боролись князья, пострадали намного больше, чем другие народы Восславии, в результате чего в значительной своей части, но далеко не полностью «эмигрировали» во Владимиро-Суздальские регионы, став основой формировавшегося тогда там народа великороссов как неотъемлемой части восточнославянского этноса. Это лишний раз подчёркивает неразрывность украинцев и великороссов в рамках единого восточно-славянского этноса и сейчас.

Обеспечение единства (главное – духовного) таких народов сто́ит любых трудов.

И уже начало нового этапа таких трудов (и борьбы!) будет великой защитой Отчизны всех восточных славян, а значит, вкладом в защиту всей духовно живой части человечества во всём мире.

Человечества как Отечества.

страница автора

vk.com/id278871586